

## ДВЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДВЕ РОССИИ ВЛАДИМИРА ВЕЙДЛЕ

В.В. ОМЕЛАНКО

Жизнь В.В. Вейдле — одного из самых талантливых русских культурологов и философов XX в., оказалась разделенной надвое русской революцией, тектоническим переворотом во всех сферах русской общественной жизни. Однако для Вейдле — литератора, искусствоведа, мыслителя, сам этот «рубеж» виделся совершенно иначе, чем для людей политики и «социально-классовой борьбы». Решающее *Событие*, обозначившее перелом в его жизни и определившее решение эмигрировать из Советской России, он объяснил для себя (а потом и для нас — как читателей его замечательных историософских работ и мемуаров) весьма неожиданным, но, в итоге, весьма убедительным образом. Речь идет о дате 7 августа 1921 г., когда произошло событие, ставшее знаковым для Владимира Васильевича Вейдле и для многих представителей русской культуры и интеллигенции: умер Александр Блок. *О смерти Блока, прощании* с ним Вейдле пишет впоследствии в своих воспоминаниях как о поворотном моменте в собственной жизни, в своем самосознании. Почему же, не зная Блока лично, он так близко «принял к сердцу» его кончину, сказав: «Прощание с ним — это и прощание с Россией, той, чьим он был сыном, той, которую он ненавидел — любя, а порой и не любя — и которая исчезает, исчезает теперь еще быстрее, раз он исчез»<sup>1</sup>.

Говоря о формировании личностной идентичности, нельзя не отметить два ее важнейших уровня — индивидуальный и социальный. На уровне индивидуальной идентичности формируются персональные характеристики личности, отличающие ее от Другого и определяющие ее собственные особенности, что во многом связано и с социальным уровнем. В структуре социальной идентичности выделяются профессиональная, культурная, религиозная, политическая и др. ее подуровни. В процессе самоидентификации, определяя и описывая общность, культуру, к которой человек себя относит, он таким образом описывает, характеризует и в конечном счете *определяет* себя.

Но вернемся к Событию. Сам факт, что известие о кончине Блока так потрясло Вейдле, неслучаен. Для Владимира Васильевича те годы были по его же словам «смутными», и это было связано не только со страшными событиями, происходившими в стране. Вейдле искал свой путь в профессии, еще до конца не понимая, чем именно он хотел бы заниматься. Формировались его взгляды и идеи, мировоззрение, т.е. его культурная и профессиональная идентичность, совершался внутренний выбор между ученым и поэтом. Для ответа на вопрос, как в жизни В.В. Вейдле проходил поиск идентичности, как происходило становление его профессиональной, культурной самоидентификации,

следует сделать краткое отступление от событий 1921 г. и вспомнить несколько ярких штрихов в биографии В. Вейдле.

### **Две идентичности Вейдле**

После окончания школы в 1912 г. мать увезла Владимира в Италию. Эта страна на всю жизнь покорила В. Вейдле<sup>2</sup>. Там он познакомился с профессором Н.П. Отокаром, выдающимся историком-медиевистом (доцентом Петербургского университета, а в 1919 — 1921 гг. — ректором Пермского университета)<sup>3</sup>, ставшим его «старшим другом»<sup>4</sup>. Эта поездка предопределила последующий выбор специализации, а также оставила большой след в его творчестве и оказала особое влияние на формирование его писательской идентичности. В 1916 г. В. Вейдле закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Он учился у знаменитых ученых: И.М. Гревса и Д.В. Айналова. После окончания университета В. Вейдле планировал заниматься научной деятельностью, оставшись в университете для защиты диссертации.

В 1917 г., приняв приглашение своего учителя Н.П. Отокара, он уезжает в Пермь преподавать и продолжать занятия в университете<sup>5</sup>. Комментируя свой отъезд в Пермь, Вейдле пишет в своих воспоминаниях: «Откомандировался в Пермский университет, потому что тогда уже начались некоторые затруднения с продовольствием. И я решил, что в Перми, во вновь основанном университете, где как раз были мои друзья, в том числе тот самый профессор Отокар, — что там можно будет спокойно заниматься, готовиться к магистерским экзаменам»<sup>6</sup>. В Перми он планировал подготовить диссертацию, но обстоятельства не позволили — в связи с Гражданской войной университет сначала перевели из Перми в Томск, затем вернули обратно. Происходившие вокруг события мало способствовали спокойной работе. Да и сам В. Вейдле находился в творческом поиске своего пути и места в жизни. В воспоминаниях об этих своих исканиях он писал: «Смута моя разные измерения имела: и как мне жить, я себя спрашивал, и одновременно — кто же я, собственно, такой? Ученый я или поэт? Родня, пусть и очень отдаленная, Блоку или, скажем, Мандельштаму, которого встречал я студентом будучи, в университете и стихи которого любил... Или попросту будущий профессор... По какой кафедре? Средневековой истории (западной?), которой я в Перми и Томске всего усердней занимался, или истории искусства (о ней, как и об Италии, мной виденной, я ведь тоже не забывал и не собирался забывать). Двадцать пять лет мне было, и ничего-то я толком о себе не знал. Впрочем, пожалуй, и знал, что могу перестать писать стихи, но что не перестану интересоваться стихами — и не стихами: живописью, всяческими искусствами, многим в истории, вообще многим, очень многим»<sup>7</sup>. Из этих воспоминаний отчетливо видно, что, несмотря на то, что Вейдле еще не знал точно, в чем его призвание, приоритеты он для себя уже расставил.

С этими мыслями 26-летний В. Вейдле после трехлетнего отсутствия возвращается в Санкт-Петербург в 1921 г. Первое, что он увидел, выйдя из вокзала, были «расклеенные бумажки» вдоль Невского проспекта, сообщающие о смерти Александра Блока. Событие это сильно его потрясло. Вейдле знал, что последние годы для Блока были чрезвычайно тяжелыми. Очень многие не поняли и не приняли его поэму «Двенадцать». Анализируя события, произошедшие в России в начале XX в., В. Вейдле отмечал, что в революции есть несколько этапов – восстание, регламентация, компромисс. Именно восстание и вдохновило художников и поэтов, а памятником «этому восстанию останутся «Двенадцать» Блока», – писал он<sup>8</sup>. После публикации поэмы Блок подвергся жесткой критике. Вейдле же оценивал это произведение как «поэзию мятежа, восстания, смуты, а не революционной машины»<sup>9</sup>. Он об этом подробно напишет в своей статье «После «Двенадцати». Приношение кресту на могиле Александра Блока»<sup>10</sup>.

К Вейдле, стоящему на кладбище рядом с Андреем Белым, Анной Ахматовой, и думающему о последних годах жизни Блока, пришло и другое чувство. Он задумался о своем месте в мире, о своем призвании, предназначении, своей идентичности. Вейдле ощутил себя «близким Блоку», ощутил себя поэтом. Он пишет об этом так: «Без всякого на то права ощутил я себя близким Блоку, поэтом себя ощутил – пусть и незначительным, но поэтом или если к стихотворству совсем уж малоспособным, то как-никак слугой и радетелем слова, писателем, русским писателем»<sup>11</sup>. Вейдле отчетливо понял, что будет писать, хотя еще не знал, что конкретно он будет писать и о чем, но точно будет «служить языку». И именно это чувство призвания связало его с Блоком и Ахматовой и другими представителями русского Серебряного века. Это самоощущение, идентификация объединяла их «в какое-то большое целое, в пишущую, мыслящую Россию»<sup>12</sup>. Вейдле пишет: «Горжусь, что включил я себя в нее, пусть сознанием одним, не подвигом, не даже малым каким-нибудь делом, тогда, в то тяжкое для нее время, в тот особо трагический и решающий для нее год»<sup>13</sup>. Россию как Родину для себя он находит именно в этом кругу.

«Поэт в России больше чем поэт». Смерть Блока была чем-то более важным, нежели уход из жизни знаменитого человека. Спустя годы, размышляя о смерти Блока, Владислав Ходасевич писал: «В пушкинской своей речи, ровно за полгода до смерти, он говорил: «Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отрицают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, – тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл»<sup>14</sup>.

Для мыслящей, пишущей России, той общности, с которой ассоциировал себя Вейдле, прощание с Блоком стало олицетворением «исчезающей России». Уходила не Россия как государство, а Россия,